

Ливия

Меня будит скрип ступеньки. Протягиваю руку — рядом со мной на кровати никого нет.

— Адам?.. — окликаю я его негромко. Вдруг он в ванной? Ответа нет. Привлеченная теплом оставленного им места, я перекатываюсь на его сторону кровати и лежу там на боку, положив голову на его подушку. Рука автоматически скользит к животу, проверяя, не раздулся ли он, — слава богу, я всю неделю пристально следила за своим рационом и это, похоже, приносит свои плоды. Да ну, кого я обманываю? Я уже полгода слежу за тем, что ем. И постоянно делаю упражнения. И использую крем для век, слишком дорогой для меня. И все это — ради сегодняшнего праздника.

Какое-то время я просто лежу, слушая, не стучит ли дождь по стеклам, как он стучал в прошлую субботу и три субботы до этого. Но слышу лишь посвистывание и чириканье птиц на яблоне, и отчетливо ощущаю, как расслабляюсь: значит, сегодня пока без дождя. Вот он и

настал, этот день, которого я так долго ждала. И дождя нет, что совершенно невероятно.

Я сильнее нажимаю на живот, вдавливая тонкий слой жира в мышцы. Внутри у меня бурлят самые разные чувства. Пытаюсь извлечь из этой мешанины радостное возбуждение и счастье, но ощущение вины перевешивает все остальное. Я чувствую себя виноватой за то, что праздник обошелся в такие деньжищи, за то, что он ради меня одной, а ведь если бы я потерпела еще пару лет, мы могли бы устроить такое же громкое торжество для нас обоих — в честь двадцатипятилетия нашей свадьбы. Вообще-то я предлагала это Адаму. По крайней мере, мне так кажется. Нет-нет, точно предлагала, я же помню, как втайне испытала облегчение, когда он даже думать об этом не захотел.

Никак не могу сейчас долго лежать спокойно. Поворачиваюсь на спину, гляжу в потолок. Ну да, я хочу, чтобы эта вечеринка была для меня одной, разве это так плохо? Похоже, в последнее время у меня к ней развилось двойственное отношение, эдакая любовь-ненависть. Да, я всегда хотела такую устроить, долго ее планировала, копила на нее деньги, но я буду только рада, когда она кончится. Она уже так долго занимает столько места у меня в голове. Слишком много места, если честно. И не только последние полгода, а последние двадцать лет. Особенно ненавистна мне мысль о том, что саму мою потребность в таком пышном праздновании невольно заронили мои собственные родители. Если бы моя свадьба прошла, как они мне обещали, я бы не помещалась на том, чтобы устроить себе такой вот праздник, совсем особенный, посвященный мне одной.

Не хочу сегодня о них думать, сегодня день совсем неподходящий. Но и помешать себе не могу. Я их не видела уже больше двадцати лет. Они всегда держались со мной

холодно, отстраненно, я даже не помню, чтобы когда-нибудь мы с отцом говорили о чем-то важном; с матерью мы больше всего сблизились разве что в те дни, когда она покупала журналы для невест и мы с ней изучали подвенечные платья, торты, цветочные композиции, и она говорила мне, какую роскошную свадьбу они с отцом хотят для меня устроить. Но когда я забеременела, вскоре после своего семнадцатилетия, они больше не пожелали меня знать. И «роскошная свадьба» обернулась поспешной пятнадцатиминутной церемонией в местном загсе. В качестве гостей на ней присутствовали только близкие Адама да наши лучшие друзья — Джесс и Нельсон.

Тогда я уверяла себя, что это не важно — то, что у меня не какая-то шикарная многолюдная свадьба. Но для меня это имело значение, хоть я и ненавидела себя за то, что так из-за этого переживаю. Через несколько лет мать одного из детей, ходивших с Джошем в детский сад, пригласила нас на свое тридцатилетие, и это меня потрясло. Нам с Адамом тогда было всего двадцать с небольшим, и денег у нас кот наплакал, так что этот праздник показался нам чем-то из другого мира. Переполненная восторженным трепетом, я дала себе слово: наступит время, когда я мощно отмечу свой день рождения. Хотя бы один из дней рождения.

Когда я носила Марни и почти не спала из-за бесконечной тошноты, я частенько выходила ночью на нашу крохотную кухоньку, прислонялась к разделочному столику и прикидывала на обороте какого-нибудь счета, сколько мне надо откладывать каждый месяц, чтобы устроить праздник, как у Крисси. Я давным-давно решила, что отмечу так свое сорокалетие, потому что оно как раз выпадало на субботу. Тогда я и представить себя не могла сорокалетней, вообще не могла вообразить, что доживу до этого. Но вот вам пожалуйста, дожила.

Я поворачиваю голову к окну: мое внимание привлек порыв ветра, сдувающий с яблони последние лепестки. Сорок лет. Как мне вообще может быть сорок? Мой тридцатилетний юбилей прошел скомканно — мне приходилось заниматься двумя маленькими детьми, и я почти не отдавала себе отчета, что достигла такой вехи в жизни. На сей раз круглая дата действует на меня сильнее, может, потому, что я сейчас на иной стадии жизни по сравнению с большинством друзей и подруг. Их дети еще не вылетели из гнезда, а моим Джошу и Марни уже двадцать два и девятнадцать, и они начали жить самостоятельно. Поэтому я чувствую себя как-то старше своих лет. Слава богу, у меня есть Джесс: ее Клео того же возраста, что и Марни, и мы, две подруги, имели возможность вместе переживать их подростковые годы.

Я слышу скрип задней двери, а потом — мягкие шаги Адама, пересекающего террасу. Я его знаю как облупленного и отлично представляю, какую он скорчит гримасу, когда увидит, что шатер поставили почти вплотную к его ненаглядному сараю. А ведь он совершенно идеально ведет себя в смысле подготовки к празднику, и мне становится особенно стыдно, когда я вспоминаю, что целых полтора месяца скрываю от него одну тайну. Снова накатывает чувство вины, и я поворачиваюсь и прячу голову в подушку, пытаюсь его заглушить. Но оно никак не проходит.

Мне нужно на что-то отвлечься, и рука сама тянется к телефону. Экран показывает всего-навсего 8:17, но кое-какие поздравления с днем рождения уже поступили. Первое пришло от Марни, она отправила его по ватсапу буквально через несколько секунд после полуночи по нашему времени. Так и вижу, как она сидит на кровати в своем гонконгском общежитии, следя за часами и ожидая момента, когда у нас уже наступит полночь,

чтобы нажать «Отправить». Послание она, конечно, написала заранее.

Лучшей мамочке на свете — с днем рожденья, с днем рожденья, с днем рожденья! Наслаждайся каждой минутой своего великого дня. Жду не дождусь — так хочется тебя увидеть. Надеюсь, через несколько недель получится. Люблю и дико обожаю. Целую, Марни. P. S. На выходные отключаюсь, хочу спокойно подготовиться к экзаменам. Скорее всего, буду вообще вне сети, не переживай, если ничего от меня не получишь. Позвоню в воскресенье вечером.

Послание испещрено эмодзи, изображающими бутылки шампанского, именинные торты и сердечки, и я чувствую знакомое замирание в сердце от любви к ней. Конечно, я скучаю по Марни, но я рада, что сегодня вечером ее здесь не будет. Ужасно стыдно, ведь мне следовало бы переживать из-за того, что она пропустит мою вечеринку. Вначале я и правда переживала. А теперь даже не хочу, чтобы в конце этого месяца она была тут, дома.

Предполагалось, что она приедет только в конце августа, потому что после экзаменов будет путешествовать с друзьями по Азии. Но потом она передумала, и теперь не пройдет и трех недель, как она снова окажется здесь, в Виндзоре. Я перед всеми делаю вид, что я в полном восторге по поводу этого ее неожиданно раннего возвращения. Но в глубине души испытываю лишь ужас и отчаяние. Как только она вернется, все изменится, и мы больше не сможем жить прежней идиллической жизнью.

Я слышу знакомую поступь Адама на лестнице, и с каждым его шагом словно бы возрастает тяжесть того, что я ему не сказала. Но я не могу ему сказать. Во всяком

случае, не сегодня. Он осторожно заглядывает за дверь и принимается петь «С днем рождения». На него это так не похоже, что я поневоле начинаю смеяться, и часть груза куда-то исчезает.

— Ш-ш! Джоша разбудишь! — шепчу я.

— Не волнуйся, он спит без задних ног.

Адам входит в комнату, неся две кружки кофе. За ним следует Мими. Он наклоняется меня поцеловать, и Мими тут же вспрыгивает на кровать и ревниво тычется в меня носом. Она обожает Адама и всегда норовит втиснуться между нами, даже когда мы сидим на диване и смотрим фильм.

— С днем рождения, золотце, — говорит он.

— Спасибо.

Я подношу руку к его щеке и на несколько мгновений забываю обо всем, ощущая одно лишь счастье и больше ничего. Как же я его люблю.

— Не переживай, я обязательно побреюсь, — шутливо замечает он, поворачивая голову, чтобы поцеловать мне ладонь.

— Я не сомневаюсь.

Он терпеть не может бриться, терпеть не может любую одежду кроме джинсов и футболок, но уже несколько недель уверяет меня, что ради моего праздника переборет себя.

— Кофе в постель! Ну разве не прелесть?

Приняв от него кружку, я отодвигаю ноги, чтобы он мог сесть. Матрас прогибается под его тяжестью, и у меня чуть не проливается кофе.

— Ну как ты себя чувствуешь? — спрашивает он.

— Избалованной до последней степени, — отвечаю я. — Как тебе шатер?

— Очень уж он близко к моему сараю. — Он поднимает темную бровь и вносит уточнение: — Нет, он

по-прежнему там, я его не передвигал. Забавная вещь — мне снилось, что он улетел и унес с собой Марни.

— Значит, даже хорошо, что ее тут нет, — замечаю я. И меня тут же снова накрывает вина.

Он ставит свою кружку на пол и вытаскивает из заднего кармана открытку.

— Это тебе, — сообщает он, берет у меня кружку и помещает рядом со своей.

— Спасибо.

Он перелезает через меня, устраивается на своей стороне кровати и, опершись на локоть, наблюдает, как я раскрываю открытку. На конверте выведено мое имя — очень красивыми объемными буквами, в разных оттенках голубого; типичное проявление Адамовой изысканности. Я наклоняю конверт, и сложенная пополам открытка выскальзывает наружу. На первой страничке — серебристое «40». Внутри написано: *«Надеюсь, сегодняшний день принесет тебе все, что ты хотела, и даже больше. Ты этого заслуживаешь — еще как. С любовью, Адам. P. S. Вместе мы лучшие».*

Последняя фраза вызывает у меня смех, потому что это вечная наша присказка. Но потом на глаза наворачиваются слезы. Если бы он только знал. Мне следовало сказать ему еще полтора месяца назад, когда я только-только узнала насчет Марни. Но у меня было столько причин этого не делать — хороших и не очень. Когда отгремит мой праздник, никаких оправданий уже не останется — мне придется ему сообщить. Я тысячу раз мысленно репетировала эти слова: «Адам, мне надо тебе сказать одну вещь...» — но ни разу не продвинулась дальше, даже мысленно, потому что пока не придумала оптимальное продолжение. Может быть, медленное, постепенное изложение, шаг за шагом, будет менее мучительно, чем если бы я сразу выпалила

всю правду? В любом случае его просто раздавит эта новость.

— Эй, ты чего? — Он озабоченно косится на меня.

Я быстро смаргиваю слезы:

— Все нормально. Просто все это меня как-то... ошеломило.

Потянувшись ко мне, он убирает мне за ухо заблудившуюся прядку. И говорит:

— Еще бы. Ты так долго ждала этого дня. — Пауза. — Вдруг твои родители объявятся? Мало ли, всякое бывает. — Он очень тщательно выбирает слова.

Я лишь качаю головой, чувствуя даже какую-то благодарность: значит, он думает, что мой мимолетный приступ грусти — из-за давно чаемого примирения с родителями. Это не главная причина, но они, конечно, тоже играют тут определенную роль. Собственно, они перебрались в Норфолк через полгода после рождения Джоша, потому что, как мне поведал отец, я опозорила их перед прихожанами и друзьями и они больше не могут чувствовать себя достойными людьми — по крайней мере, в нашем местном обществе. Когда я спросила, можно ли мне будет навещать их, он ответил, что мне лучше приезжать одной. Я так ни разу и не поехала: мало того что они не приняли Адама, так они еще и Джоша отвергли прямо с самого начала его юной жизни.

Я снова написала им, уже когда родилась Марни, просто чтобы сообщить: у них появился второй внук, вернее внучка. Меня даже удивило, когда отец ответил, что они были бы рады ее увидеть. Я, в свою очередь, написала ему, чтобы уточнить, когда мы — все четверо — можем приехать к ним. И получила ответ: приглашение распространяется лишь на меня и Марни. Он, видите ли, вполне готов увидеть Марни, ибо она рождена в законном браке. И я снова не поехала.

Но и потом я все-таки пыталась поддерживать с ними хоть какую-то связь — посылала открытки на дни рождения и на Рождество (хотя от них никогда ничего такого не получала), приглашала на каждый наш семейный праздник. Они никогда не откликались на приглашение, не говоря уж о том, чтобы приехать. Вряд ли сегодняшний вечер станет исключением.

— Ничего они не объявятся, — мрачно говорю я Адаму. — И вообще это уже не важно. Мне сорок лет. Пора выбросить это из головы.

Адам поворачивает голову к окну:

— Видала, какая погода?

Он знает, что мне нужно срочно сменить тему беседы.

— Да, просто не верится. — Я откидываюсь на подушки, и меня начинает грызть тревога иного рода. — Я вот думаю — может, я переборщила с платьем?

— В каком смысле? — не понял он.

— Оно длинное, до полу. И кремового цвета.

— А что тут такого?

— Слишком уж похоже на подвенечное. Ну, так может показаться.

— У него что — много всяких там рюшечек и оборочек? — осведомляется он.

— Нет.

— А вуаль ты собираешься в нему надеть?

— Нет! — отвечаю я с хохотом.

— В таком случае, — провозглашает он, поднимая руку и притягивая меня к себе, чтобы я угнездилась под ней, — это всего лишь кремовое платье, которое оказалось необычно длинным.

Я поднимаю на него взгляд:

— Как это ты всегда ухитряешься сделать так, чтобы я лучше к себе относилась?

— Просто компенсация за все те годы, когда я этого не делал, — объясняет он довольно небрежно.

Я нахожу его кисть, сплетаю с ним пальцы.

— Не надо, — говорю я. — Ты же честно на мне женился, не бросил меня с ребенком.

— Ну да. Зато первые два года я почти все время торчал в Бристоле с Нельсоном, вместо того чтобы быть с тобой. И с Джошем.

— А потом появилась Марни, и у тебя появилась причина чаще бывать дома.

Он выпускает мою руку. Я знаю это его выражение лица, замкнутое, закрытое. Мне хочется взять свои слова обратно. Он уже двадцать лет пытается как-то загладить свою вину за эти наши первые дни. И передо мной, и перед Джошем. Но он до сих пор чувствует вину.

— Я от нее получила очень милое сообщение, — говорю я, зная, что разговоры о Марни всегда улучшают ему настроение. — Пишет, что, возможно, ей сегодня не удастся позвонить. Хочет спокойно, не отвлекаясь, подготовиться к экзамену. На выходные отключается от сети, будет где-то, где даже нет вайфая.

— Как это мы умудрились вырастить такое благоразумное дитя? — шуточно спрашивает он. Да, он снова настроен добродушно.

— Понятия не имею.

Я слабо улыбаюсь ему. Он явно думает, что я просто переживаю из-за вечеринки, поэтому целует меня и говорит:

— Да не волнуйся ты. Все будет отлично. Во сколько за тобой заезжает Кирин?

— Не раньше одиннадцати.

— Тогда у тебя еще есть время поспать. — Он встает с кровати. — Попей спокойно кофе, а я пока душ приму. А когда спустишься, я тебе приготовлю завтрак.